

Ганс Гейну Эверс

«TERRA» - «TERRA»

Ганс Гейнц Эверс

Паук

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=149508

Аннотация

Ганс Гейнц Эверс (1871 – 1943) – немецкий писатель, драматург, сатирик. Его произведениями, которые еще в начале XX века причислялись к выдающимся достижениям художественной литературы, присущи гротеск, таинственность и фантастика.

Содержание

Дневник Ришара Бракемонта, студента – медика

9

Ганс Эверс

Паук

Студент-медик Ришар Бракемонт решил поселиться в маленькой гостинице «Стивенс», что на улице Альфреда Стивенса, 6, в той самой комнате номер семь, где за три последние недели трое постояльцев покончили с собой.

Первым был швейцарский коммивояжер. Его самоубийство обнаружилось только на следующий день, в субботу вечером. Доктор установил, что смерть наступила в пятницу, между пятью и шестью часами пополудни. Труп висел на вбитом в оконный косяк крепком крюке, на котором обычно помещались плечики с одеждой. Окно было заперто. В качестве веревки самоубийца использовал шнур для занавесок. Так как окно находилось очень низко, покойник почти стоял на коленях. Видимо, чтобы осуществить свое намерение, ему понадобилась небывалая сила воли. Как было установлено, он был женат, имел четверых детей, прочное положение в обществе, жил в достатке, отличался веселым и добрым нравом. Он не оставил ни письма, ни объяснения причин самоубийства, ни завещания. В разговоре со знакомыми он никогда не упоминал о желании расстаться с жизнью.

Второй случай походил на первый. Через два дня после смерти швейцарца комнату номер семь снял Карл Краузе, велосипедист-акробат из расположенного неподалеку цирка

Медрено. Когда в пятницу он не явился к началу представления, директор цирка отправил в гостиницу посыльного. Тот нашел акробата в незапертой комнате висящим на оконном косяке, причем все здесь выглядело точь-в-точь как в прошлую пятницу. Самоубийство представлялось столь же загадочным, как и предыдущее. Популярный молодой артист, ему было всего двадцать лет. Он получал высокое жалование и не чурался радостей жизни. Он тоже не написал ни слова, никогда не упоминал в разговорах о намерении покончить с жизнью. Родных у него не было, кроме матери, которой он педантично высылал каждый год по две тысячи марок.

Для мадам Дюбонье, хозяйки меблированных комнат, населенных преимущественно людьми из маленьких театриков на Монмартре, последствия этого второго странного самоубийства, происшедшего все в той же комнате, оказались весьма неприятными. Несколько жильцов съехали, некоторые постоянные клиенты больше не показывались. Хозяйка, воспользовавшись знакомством с комиссаром девятого округа, обратилась к нему лично, и он обещал сделать все, что будет в его силах. И в самом деле, он не только с особенной энергией приступил к следствию, долженствующему раскрыть причины самоубийства обоих жильцов, но еще и выделил полицейского, который поселился в жуткой комнате.

Собственно говоря, полицейский Шарль-Мари Шаумье вызвался добровольцем. Одиннадцать лет он прослужил в

колониальных войсках морским пехотинцем. Сержант Шаумье в одиночку в Тонкине и Аннаме провел не одну ночь в засаде, и не раз ему случалось угостить непрошеного гостя, речного пирата, крадущегося бесшумно, как кот, приветственным выстрелом в брюхо из своей винтовки Лебедея. Он казался наиболее подходящей кандидатурой для расправы с призраками, о которых много говорилось на улице Альфреда Стивенса.

В воскресенье вечером он поселился в комнате и, подкрепившись на славу – ни еды, ни питья почтенная мадам Дюбонье не пожалела, – улегся, довольный, в постель.

Дважды в день, утром и вечером, Шаумье ненадолго являлся в комиссариат доложить. В первые дни его отчеты ограничивались заявлением, что не обнаружено ничего, достойного внимания. Зато в среду вечером он сообщил, что, как ему кажется, он напал на след. Когда же от него потребовали более подробной информации, он попросил пока не расспрашивать его, так как сам он еще не уверен, что то, что он обнаружил, каким-то образом связано с теми двумя смертями. Он боялся скомпрометировать себя и оказаться в смешном положении. В четверг вид у него был не такой уверенный, зато более серьезный. Тем не менее, докладывать ему было не о чем. В пятницу утром он был немного возбужден и не то в шутку, не то всерьез заметил, что в том окне есть что-то притягательное и диковинное. Все же он настаивал на том, что ничего общего с самоубийствами это не

имеет и что его поднимут на смех, если он скажет больше. Вечером в комиссариат он не пришел. Его нашли висящим на крюке, вбитом в оконный косяк...

И на этот раз все выглядело точь-в-точь как в предыдущих случаях: ноги касались пола, веревкой послужил шнур от занавески. Окно было заперто, дверь не на замке, смерть наступила в шесть пополудни. Из широко разинутого рта мертвеца свисал синий язык.

Третье самоубийство в комнате номер семь привело к тому, что в тот день из меблированных комнат «Стивенс» съехали все жильцы, за исключением некоего немца, живущего в комнате N16, учителя гимназии, который воспользовался поводом, чтобы получить скидку с квартирной платы на одну треть. Небольшим утешением для мадам Дюбонье было также то, что на следующее утро прикатила на своем «рено» звезда оперетты Мари Гарден и выложила двести франков за шнур от занавески. Во-первых, потому что веревка повешенного приносит счастье, а во-вторых, потому что об этом напишут газеты.

Случись вся эта история в августе – мадам Дюбонье получила бы за шнур втрое больше, газеты наверняка целыми неделями пережевывали бы происшествия в меблированных комнатах на своих страницах. Но сейчас, в разгар сезона – выборы, Марокко, Персия, биржевое банкротство в Нью-Йорке, три политических скандала одновременно – в самом деле трудно найти хотя бы клочок свободного места. В ре-

зультате о происшествиях на улице Альфреда Стивенса говорили меньше, чем они того заслуживали. Кроме того, упоминая о них в лаконичных и сжатых строках, газеты ограничивались в основном повторением полицейских реляций, и все статьи на эту тему были почти совсем лишены налета сенсационности.

Эти намеки составили единственный источник информации студента-медика Ришара Бракемонта обо всем этом деле. Незвестным ему остался один мелкий факт, который казался столь незначительным, что ни комиссар, ни кто-либо из свидетелей произошедшего не упомянули о нем репортажам. Припомнили об этом только впоследствии, после истории с самим студентом.

Итак, когда полицейские снимали с крюка Шарля-Мари Шаумье, из открытого рта покойника выполз большой черный паук. Служащий, вскрикнув: «О, дьявол, опять эта мерзость!» – сбил его щелчком. Позже, во время следствия по делу Бракемонта, он показал, что, когда снимали с крюка тело швейцарского коммивояжера, он увидел, как точно такой же паук пробежал по плечу мертвеца.

Однако обо всем этом Ришар Бракемонт ничего не знал.

Дневник Ришара Бракемонта, студента – медика

ПОНЕДЕЛЬНИК. 28 февраля.

Поселился здесь вечером. Распаковал себе свои корзины, расположился, как мог, и улегся в постель. Спал великолепно, било ровно девять, когда меня разбудил стук в дверь. Это была хозяйка. Она сама принесла мне завтрак. Она обо мне очень заботится, доказательство тому – яйца, ветчина и изумительный кофе. Я умылся, оделся, а потом, покуривая трубку, наблюдал, как слуга прибирает в комнате. Итак, я здесь. Прекрасно понимаю, что ввязался в опасную историю, но при этом уверен, что, если сумею разгадать, в чем тут дело, выигрыш падет на мой номер. Я получил какой-никакой, а шанс. Ну что же, попробую им воспользоваться.

Собственно, и другие были достаточно сообразительными, чтобы сориентироваться в ситуации. Уже двадцать семь человек, в том числе две женщины, обращались или в полицию, или непосредственно к хозяйке. Так что конкуренция была дай Бог. Все наверняка такие же, как я, голодранцы.

«Пост», однако, получил именно я. Почему? Ах, видно, я был единственным, кто сумел преподнести полицейским умникам своего рода «замысел». Да еще какой! Блеф, само собой.

Этот отчет предназначен также и для полиции. Что за радость для меня иметь возможность с самого начала поведать этим господам, что я обвел их вокруг пальца! Если у комиссара голова не только для того, чтобы носить шляпу, он скажет: «Хм, именно поэтому Бракемонт показался мне самым достойным!» Да пусть себе потом говорит, что ему заблагодарсудится. Сейчас я сижу тут и считаю добрым знаком, что для начала надул полицию. Правда, сперва я нанес визит мадам Дюбонье, но та отправила меня в комиссариат. Я таскался туда целую неделю, все время мое предложение «принимали во внимание» и всякий раз откладывали решение на завтра. Большинство моих соперников махнули на это дело рукой, имея, очевидно, занятия получше, чем сидеть часами в душной приемной комиссариата, тем самым приводя комиссара в дурное расположение духа. Наконец он категорически дал мне понять, что мне там больше появляться не за чем. Он благодарен мне, как в равной степени и другим, за добрые и благородные побуждения, но возможности использовать некомпетентных дилетантов не видит. Так что если я не располагаю готовым планом действий...

Тогда я заявил, что такой план давно подготовил.

Разумеется, ничем подобным я не думал заниматься и сказать по этому вопросу мне было нечего. Все же пришлось заливать, что мой план – очень хороший, хотя, конечно, слишком опасный, могущий привести к той же трагедии, что и действия сержанта. И что я изложу его лишь при условии,

что комиссар даст мне слово чести приняться за его осуществление лично. Этого предложения полицейский не принял, сославшись на нехватку времени. Несколько раз он пытался подступиться ко мне, не смогу ли я рассказать свой проект хотя бы в общих чертах...

Я это сделал. Нес чистейшей воды окоlesiцу. Еще секунду назад у меня не было никаких идей. Сам не знаю, что это вдруг на меня наехало. Я заявил, что среди часов недели есть один особенный час. Это время, когда Христос исчез из гроба, чтобы сойти в ад, – шестой час вечера последнего дня еврейской недели. А господин комиссар, наверное, помнит, что все три убийства были совершены в пятницу между пятым и шестым часом пополудни. Только я пока не могу сказать, в чем тут дело, разве что посоветую почитать «Откровение святого Иоанна».

Комиссар сделал такую мину, будто все отлично понял. Поблагодарил и пригласил зайти вечером. Точно в назначенное время я уже был в его кабинете, где на столе увидел раскрытый Новый Завет. Прежде чем явиться сюда, я занимался тем же – читал «Апокалипсис» и ничего не понял. Надо полагать, комиссар был умнее меня, во всяком случае, он очень вежливо сообщил, что хоть я и ограничился крайне смутными намеками, ему удалось уловить нить моих рассуждений. Он готов принять мое предложение и помочь мне в его реализации.

Должен признать, что комиссар и в самом деле на помощь

не поспешил. Он заключил с хозяйкой контракт, который обеспечил мне на все время пребывания в гостинице первоклассный уход. Меня снабдили прекрасным револьвером и полицейским свистком, а полицейским патрулям было от дано распоряжение почаще заглядывать на улицу Альфреда Стивенса и по первому моему знаку спешить мне на помощь. Но важнее всего было то обстоятельство, что комиссар приказал установить в моей комнате телефон, который обеспечивал прямую связь с комиссариатом. Поскольку комиссариат находился в четырех минутах ходьбы отсюда, я в любой момент могу рассчитывать на немедленную помощь. Трудно представить, чего можно бояться в таких условиях.

ВТОРНИК, 1 марта.

Ни вчера, ни сегодня ничего не происходило. Госпожа Дюбонье принесла шнур для установки шторки, который сняла в другой комнате – сколько их теперь пустоует! Хозяйка не упускает ни одного случая зайти ко мне и всякий раз что-нибудь приносит. Я склонил ее еще раз со всеми подробностями описать все предшествующие случаи, но не узнал ничего нового для себя. Что касается причин для повешения, то госпожа Дюбонье имеет на этот счет свое мнение. В случае с акробатом поводом послужила несчастная любовь: когда он жил в отеле в прошлом году, его часто навещала молодая дама, которая теперь не пришла ни разу. Что толкнуло на роковой поступок господина из Швейцарии, ей неизвестно. Ну да ведь все знать и невозможно. А вот сержант совер-

шил самоубийство только затем, чтобы досадить ей лично.

Должен признать, что теория мадам Дюбонье не показалась мне слишком убедительной. Все же я спокойно выслушивал ее болтовню. Как-никак хоть какое-то разнообразие.

ЧЕТВЕРГ, 3 марта.

Все еще ничего не происходит. Комиссар звонит по нескольку раз в день, а я уверяю, что у меня все в наилучшем виде. Эти сведения его, однако, не успокаивают. Достал свои учебники и принялся за науку, так что, что бы ни случилось, мой добровольный арест не будет совершенно бесполезным.

ПЯТНИЦА, 4 марта, 14 часов.

Съел отменный обед, к которому хозяйка подала полбутылки шампанского. Это был настоящий пир приговоренного к казни. Мадам Дюбонье смотрела так, будто я на четверть уже был покойником. Прежде чем уйти, она со слезами на глазах умоляла пойти с ней, наверное опасалась, что я повешусь, «лишь бы ей досадить».

Внимательно осмотрел шнур для занавески. Вешаться на такой штуковине? Хм, не имею никакого желания. К тому же шнур шершавый и негибкий, так что петлю из него трудно было бы затянуть. Если бы мне пришлось в голову последовать примеру своих предшественников, пришлось бы проявить много доброй воли. В настоящее время сижу за столом, слева телефон, справа револьвер. Никаких опасений, только любопытство.

6 часов вечера.

Ничего не случилось, едва не написал – «к сожалению»! Роковой час настал и прошел так же, как и другие. Не могу, правда, отрицать, что временами испытывал желание подойти к окну – да! Только совсем по другой причине. Комиссар между пятью и шестью звонил раз десять. Переживал, наверно, не меньше моего. Зато госпожа Дюбонье просто счастлива – человек неделю жил в «семерке» и, несмотря на это, не удавился. Кто бы мог подумать!

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 марта.

Теперь я уверен, что ничего выяснить не сумею, и все больше утверждаюсь в том, что самоубийства моих предшественников свелись друг с другом лишь редкой игрой случая. Я просил комиссара, чтобы он во всех трех случаях повторно провел немедленное расследование, и уверен, что, в конце концов, ему удастся дойти до сути. Что касается меня, то я буду сидеть здесь, сколько получится. Слава моя не покорит Париж, но как бы там ни было, а я живу здесь, и на дармовщинку! Кроме того, я принялся за зубрежку, и дело идет все лучше. Ну и, сверх того, есть нечто такое, что удерживает меня здесь.

СРЕДА, 9 марта.

Так что ставлю точку над «і». Кларимонда...¹

Ах, я, правда, еще ничего не сказал о Кларимонде. Это и есть та самая третья причина, по которой я хочу остаться здесь, и именно из-за нее мне хотелось в течение «рокового»

¹ героиня рассказа Т.Готье «Возлюбленная из мира теней» (1836 г.)

часа подойти к окну – хотя и не затем, чтобы повеситься, само собой. Кларимонда – почему я ее так называю? Понятия не имею, как звучит ее настоящее имя, но чувствую, что называть ее должен именно так.

Готов поклясться, что, если мне когда-нибудь представится случай спросить ее имя, девушка обязательно назовется Кларимондой.

Я увидел ее вскоре после вселения в номер. Она живет на другой стороне узенькой улочки, а ее окно находится напротив моего. Обычно она сидит у него, скрывшись за занавесками. Должен, правда, отметить, что она стала наблюдать за мной раньше, чем я за нею, и явно выразила интерес к моей особе. В общем-то, здесь нет ничего необычного. Вся улица знает, где и за какой надобностью я поселился. Уж мадам Дюбонье об этом побеспокоилась.

Я по природе своей не влюбчив и редко имею дело с женщинами. Если человек приехал из Вердена в Париж, чтобы учиться медицине, а денег у него хватает лишь на то, чтобы раз в три дня досыта поесть, у него найдется о чем думать и помимо любви. Так что опыт у меня был небольшой, и за дело я взялся, вероятно, не самым лучшим образом. Но и тем, как развиваются события в данный момент, я вполне удовлетворен.

Сначала мне и в голову не приходила мысль, будто что-то может связать меня с той, что живет напротив. Я только подумал, что раз уж оказался здесь, чтобы вести наблюдения, и

до сих пор, несмотря на все старания, не высмотрел ничего интересного, то может мне попробовать понаблюдать за соседкой? Трудно же весь день-деньской сидеть над книгами. Тогда я установил, что Кларимонда живет на третьем этаже одна. В комнате три окна, однако она сидит всегда у того, которое находится как раз напротив моего. Сидит и прядет на маленькой старомодной прялке. Когда-то я видел такую у своей бабки, которая никогда ею не пользовалась, а просто получила в наследство от какой-то своей пратетушки. Я не подозревал, что сейчас кто-то может использовать такой антиквариат. Между прочим, прялка Кларимонды – это маленькая изящная штучка, белая, словно выточенная из слоновой кости; нити, которые девушка прядет с ее помощью, должно быть, исключительно тонкие. Весь день она, укрывшись за занавесками, сидит и работает без устали, прерывая свое занятие только с наступлением сумерек. Правда теперь, в эти туманные дни, на нашей узкой улице смеркается рано, и в пять уже совсем темно. В комнате Кларимонды я ни разу не видел света.

Как она выглядит? Этого я точно не знаю. У нее бледное лицо, и черные волосы ниспадают волнистыми локонами. Под тоненьким носиком с подвижными крыльями – бледные губы. Мелкие зубки кажутся остренькими, словно у хищной зверушки. Ресницы обычно опущены, но стоит им вспорхнуть, как из-под них сверкает взгляд больших темных глаз. Все это я, однако, скорее чувствую, чем знаю наверняка.

Трудно что-то отчетливо рассмотреть сквозь занавески.

И еще одна деталь: Кларимонда всегда носит черное, застегнутое до самого подбородка платье с крупными фиолетовыми горошинами.

Она также никогда не снимает длинных черных перчаток, вероятно, не хочет, чтобы работа портила ей руки. Это очень запоминающееся зрелище: быстрые, словно хаотические движения, изящные черные пальцы ловят и тянут нить, будто лапки насекомого.

А наши взаимоотношения? Что ж, они очень поверхностны, но я испытываю такое чувство, что они гораздо глубже, чем кажется.

Все началось с того, что она посмотрела в мое, а я взглянул в ее окно. Она наблюдала за мной, а я присматривался к ней. Ну и, видимо, произвел приятное впечатление, потому что как-то раз, когда я опять глядел на Кларимонду, она улыбнулась. Я, конечно, ответил тем же. Так пролетели два дня, и мы все чаще и чаще улыбались друг другу. А позднее, раз за разом, я стал готовиться к тому, чтобы кивнуть ей. Сам не знаю, что меня постоянно от этого удерживало.

Все-таки наконец я собрался с духом: сегодня после полудня. И Кларимонда ответила мне. Очень, правда, легко, но кивнула мне головой. Я это видел очень отчетливо.

ЧЕТВЕРГ, 10 марта.

Вчера я долго сидел над книгами и все же не могу сказать, что много выучил, ибо витал в облаках и думал о Кларимон-

де. А после долго засыпал и наконец забылся беспокойным сном.

Когда я утром подошел к окну, Кларимонда уже сидела на обычном месте. Я кивнул, она ответила тем же и долго смотрела на меня.

Собирался приняться за дело, но не мог побороть волнение, сел у окна и загляделся на Кларимонду. Вдруг я заметил, что и она сидит, отложив пряжу. Потянув за шнур, я отодвинул белую занавеску, и – почти одновременно со мной – девушка сделала то же самое. Мы обменялись улыбками и засмотрелись друг на друга.

Так мы сидели почти целый час.

Потом Кларимонда снова взялась за пряжу.

СУББОТА, 12 марта.

Идут дни, я ем, сплю, сижу за столом, курю трубку и склоняюсь над книгами. Не могу прочесть ни слова. Я предпринимаю все новые попытки, но заранее знаю, что они обречены на провал, тогда встаю и подхожу к окну. Я киваю головой, а Кларимонда отвечает мне таким же кивком. Мы улыбаемся и смотрим друг на друга долгие часы. Вчера около шести пополудни я испытал легкую тревогу. Сумерки наступили очень рано, и меня охватило ощущение неопределенного страха. Я сидел за столом и ждал. Что-то буквально тянуло меня к окну. Не для того, разумеется, чтобы лезть в петлю, а чтобы увидеть Кларимонду.

Я вскочил и замер у занавески. Кажется, никогда еще я

не видел девушку так отчетливо, хотя было уже совсем темно. Она пряталась, но смотрела в мою сторону. Меня охватила смесь чувства удивительного умиротворения с легким беспокойством.

Зазвонил телефон. Я был вне себя от злости на этого дурака комиссара, который своими глупыми вопросами распугал мои мысли.

Сегодня утром он заявился ко мне в компании мадам Дюбонье. Она вполне мной довольна. Ей достаточно сознавать, что я жив, хотя уже две недели, как занимаю комнату номер семь. А вот комиссар хочет получить какой-то конкретный результат. Я туманно намекнул, что ухватил нить одного очень необычного дела, и этот осел с аппетитом проглотил такую чушь. Будь что будет, а я останусь здесь еще на неделю, чего желаю со всей страстью. Не из-за кухни госпожи Дюбонье или ее подвалов. (Боже, какой чепухой кажутся такие вещи постоянно сытому человеку!) Но из-за окна, которое хозяйка так ненавидит и боится и которое я так люблю, поскольку вижу через него Кларимонду.

Стоит зажечь лампу – и девушку уже не разглядеть. Я проглядел все глаза, стараясь уловить момент, когда она выходит в город, но ни разу не видел, чтобы Кларимонда хотя бы на шаг ступила за порог.

Сейчас сижу в большом удобном кресле у лампы с зеленым абажуром, от которой исходит теплое сияние. Комиссар оставил мне большую пачку табака (такого хорошего ни разу

курить не доводилось). Работать все равно не могу. Прочту две-три страницы и ловлю себя на том, что ничего из прочитанного не понял. Глаза видят буквы, а мозг не воспринимает смысла слов. Забавно! Будто на него повесили табличку с надписью «Вход воспрещен!». Словно бы мозг не в состоянии реагировать ни на что, кроме одного слова – Кларимонда.

В конце концов я отпихиваю книги, удобно разваливаюсь в кресле и погружаюсь в грезы.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 13 марта.

Сегодня утром я стал свидетелем своего рода драмы. Пока слуга прибирал в комнате, я прохаживался по коридору. Перед выходящим на двор окошком натянута паучья сеть, которую стережет жирный паук-крестonosец. Госпожа Дюбонье не позволяет трогать эту паутину: пауки приносят счастье, с нее уже довольно трагедий.

Вдруг я увидел, как другой паук, гораздо меньших размеров, с оглядкой ступил на одну из нитей. Это был самец. Он осторожно двигался по дрожащей нити к центру, но тут же отступал, стоило самке чуть пошевелиться. Тогда он перебежал к другому концу сети и снова пытался приблизиться. В конце концов, мощная самка будто уступила его ухаживаниям и неподвижно замерла на своем месте. Самец подтянул нить, сперва легонько, потом дернул сильнее, так что качнулась вся паутина. Его возлюбленная вела себя спокойно. Тогда паук приблизился к ней, соблюдая при этом крайнюю

осторожность. Самка приняла его, не сопротивляясь, и покорно отдалась в ласковые объятия. Оба в течение долгих минут неподвижно висели в центре большой сети.

Потом я заметил, как самец осторожно, одну за другой, разжимает лапки. Это выглядело так, будто паук намеревался незаметно уползти, оставив свою подружку в состоянии любовной одури. Он наконец освободился и что было сил сбежал с паутины, но в то же время в паучихе пробудилась яростная энергия, и она понеслась следом за ним. Несчастный самец выпустил из брюшка нить и съехал вниз, однако таким же акробатическим приемом воспользовалась и его любимая. Пауки оказались на подоконнике. Самец, напрягая все силы, стремился уйти от преследования, но было поздно. Подруга уже вцепилась в него мертвой хваткой и поволокла назад, в самый центр сети. И на том же самом месте, где только что было ложе освободившейся страсти, открылась совсем иная картина. Напрасно бился любовник, вытягивая слабые ножки, стараясь вырваться из жестких тисков: подруга больше не отпускала его. В какую-то пару минут она так опутала беднягу паутиной, что тот уже не мог шевельнуться. А потом самка вонзила острые жала в его тело и принялась торопливо сосать молодую кровь своего любовника. Я видел, как она наконец освободила жалкий, потерявший форму комок – лапки, кожу, нити – и с презрением сбросила его со своей паутины.

Вот, значит, как выглядит любовь у этих тварей. Благода-

рю Бога, что я не паук-самец.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 14 марта.

Книг я больше не касаюсь, все дни провожу у окна. Не покидаю своего поста, даже когда наступает вечер. Различить ее нельзя, но вот закрываю глаза – и все-таки ее вижу!

Хм... Этот дневник стал совсем не таким, как я себе представлял. Тут говорится о мадам Дюбонье и о комиссаре, о пауках и о Кларимонде. Зато в нем нет ни слова о следствия, которое я собираюсь вести. Моя ли в этом вина?

ВТОРНИК, 15 марта.

Мы – Кларимонда и я – придумали особую игру, которая заполняет собой целые дни. Я киваю ей, и она мне немедленно кивает в ответ. Потом я касаюсь ладонью стекла, а она, едва увидев это, тут же делает то же самое. Я даю знак рукой – Кларимонда его повторяет; шевелю губами, будто разговаривая с ней, – Кларимонда в ответ тоже имитирует разговор. Я убираю волосы с виска – и вот ее ладонь уже касается лба. Совсем детское занятие, над которым мы оба смеемся. То есть она не смеется, это скорее улыбка, тихая, полная преданности. По-моему, я тоже улыбаюсь, как она.

Вообще-то, это вовсе не так глупо, как кажется на первый взгляд. Похоже, это не обычная имитация движений, которая вскоре наскучила бы нам обоим. Здесь дело, видно, в своего рода телепатии. Ведь Кларимонда повторяет мои действия почти одновременно со мной. Стоит ей только заметить движение, как она тут же выполняет его до конца. У

меня часто возникает впечатление, что все происходит одновременно. Именно это и побуждает меня каждый раз показывать новый жест, который нельзя будет предугадать, и, просто уму непостижимо, как молниеносно она его повторяет! Я часто пытаюсь ее обмануть. Быстро выполняю целую серию жестов, а потом уже ту же серию в обратном порядке и еще раз – в прямом. Наконец, при четвертом повторе, я или меняю порядок движений, или какое-то из них делаю иначе, а то и вовсе опускаю его. Не перестаю удивляться тому, что Кларимонда ни разу не совершила ошибки, хотя жесты следуют один за другим так быстро, что их трудно разглядеть сериями, не то что каждый из них в отдельности.

Так протекает каждый мой день, и все же я ни на секунду не испытываю ощущения бесцельно потраченного времени. Наоборот, я уверен, что никогда еще не занимался чем-либо более важным.

СРЕДА, 16 марта.

Не забавно ли, что я ни разу не подумал о том, чтобы подвести под свои отношения с Кларимондой более серьезный фундамент, чем все эти многочисленные игры? Над этим я думал прошедшей ночью. Ведь я могу попросту надеть плащ и шляпу и сойти на два этажа ниже. Пять шагов через улицу, после снова три этажа вверх. На двери маленькая табличка, а на ней – «Кларимонда»... Кларимонда – и что еще? Этого я не знаю, но что «Кларимонда» – уверен. Затем стучу в дверь, а потом...

До этого мгновения я могу представить абсолютно все, вижу даже малейшее движение из тех, что должен буду сделать. Зато никак не удается представить себе, что будет потом. Дверь открывается, да, это я еще вижу. Я сам стою на пороге и смотрю в темноту, в которой ничего, абсолютно ничего нельзя разглядеть. Кларимонда не выходит на порог – никто не выходит, там вообще ничего нет. Только эта черная, непроницаемая темнота.

Часто мне кажется, что вообще не существует никакой Кларимонды, кроме той, которую я вижу у окна и которая играет со мной. Не могу себе представить, как бы она выглядела в шляпке или в другом платье, кроме этого черного, с большими фиолетовыми точками, даже хотя бы без черных перчаток. Я смеюсь вслух, когда подумаю, что мог бы увидеть ее на улице или, тем более, в ресторане. Как она ест, пьет, о чем-то там щебечет. Эта картина кажется мне невероятной.

Часто спрашиваю себя, не любовь ли это? Отвечать с уверенностью трудно, ведь я никогда ранее не любил, однако, если чувство, которое я испытываю к Кларимонде, можно назвать любовью, то, в любом случае, она совершенно иная, непохожая на ту, о которой приходилось читать в романах или слышать от друзей.

Мне трудно описать свои чувства. Вообще, трудно думать о чем-то, что не имеет отношения к Кларимонде или, вернее, к нашей игре. Ведь нельзя отрицать, что то, чему мы отдаем

наше время, – игра, не более. И в этом скрыта загадка, которую я никак не могу разгадать.

Кларимонда... Да, я испытываю к ней влечение. Однако к этому чувству примешивается другое, похожее на тревогу. Тревога? Нет, не то. Это скорее опасение, легкий страх перед чем-то неизвестным. И именно в этом страхе кроется что-то пленящее, вызывающее особое волнение, нечто такое, что заставляет меня держаться на расстоянии от Кларимонды и одновременно все сильнее влечет меня к ней. Мне кажется, что я описываю вокруг нее большую окружность, то приближаясь немного, то отдаляясь, и продолжаю кружить, и опять немного продвигаюсь вперед, чтобы снова отступить. Пока наконец – я знаю это наверняка – мне придется...

Кларимонда сидит у окна и прядет. Нитки. Длинные, тонкие, небывало тонкие нитки. Из них она сплетает ткань, но какую – я не знаю. И не могу понять, как ей удастся плести эту сеть, не путая и не обрывая тончайших нитей. На этой ткани видятся особые узоры, фантастические звери и страшные лица.

Да что такое!.. Что это я пишу? Я же не могу видеть, что она там ткёт на самом деле, нити слишком тонкие. При этом я все же знаю, что ткань Кларимонды выглядит именно так, как вижу я, когда закрываю глаза. Именно так. Большая сеть, на ней множество фигур, фантастические звери и страшные лица.

ЧЕТВЕРГ, 17 марта.

Необычайно возбужден. Ни с кем не разговариваю, даже госпожу Дюбонье и слугу приветствую сдавленным «добрый день». Совсем немного времени я уделяю лишь еде, а все остальное просиживаю у окна, продолжая нашу игру. О, что это за восхитительная игра!

У меня такое предчувствие, будто завтра должно что-то произойти.

ПЯТНИЦА, 18 марта.

Да, сегодня что-то должно случиться. Это точно. Я говорю себе – говорю громко, чтобы слышать свой голос, – что именно поэтому я здесь. Но загвоздка в том, что мне страшно. А к страху перед тем, что со мной может приключиться то же, что и с моими предшественниками, странным образом примешивается страх другой – перед Кларимондой. И мне уже самому неясно, чего я боюсь сильнее.

Меня разрывает тревога. С трудом сдерживаю крик.

Шесть часов вечера.

Пишу в спешке, на мне плащ и шляпа. Когда наступило пять, силы мои были на исходе. О, теперь я абсолютно уверен, что все как-то связано с шестью часами вечера предпоследнего дня недели.² Меня больше не забавляет выдумка, при помощи которой я сбил комиссара с толку. Я сидел в кресле и удерживал себя на месте, однако что-то притягивало, буквально тащило меня к окну.

Я должен продолжать игру с Кларимондой. Вот он, опять

² в ряде стран неделя начинается не с понедельника, а с воскресенья

этот чудовищный страх оказаться вблизи окна. Было видно, как они висят там – швейцарский коммивояжер, с жирной шеей и седеющей щетиной на подбородке, щуплый акробат и коренастый крепкий сержант. Я видел их: одного, второго, третьего, а потом всех троих одновременно. Все на том же крюке. Из раскрытых ртов вывалились языки. И вдруг среди них я увидел себя!

Как мне было страшно! Я сознавал, что ужас пробуждает во мне сама оконная рама с проклятым крюком. Пусть Кларимонда простит мне это, но так было на самом деле, я ничего не придумываю. В охваченном невероятным волнением мозгу ее образ то и дело сливался с призраками тех троих, которые повисли в петлях, касаясь ногами пола.

В принципе, я ни на минуту не испытывал тяги, желания повеситься, только боялся, что окажусь в состоянии сделать это. Нет, я только боялся... И самого окна... И Кларимонды... И того ужасного и непонятного, что вот сейчас должно произойти. И еще чувствовал горячее, непобедимое желание встать и подойти к окну. Я должен был...

Вдруг зазвонил телефон. Я сорвал трубку и, не слушая говорящего, выкрикнул:

– Приходите! Немедленно приходите!

Мой пронзительный крик будто бы разогнал всех призраков по темным углам комнаты. В мгновение ока ко мне вернулось душевное равновесие. Я вытер пот со лба, выпил стакан воды и немного подумал над тем, что сказать комисса-

ру, когда он придет. После этого я подошел к окну, кивнул и улыбнулся.

Кларимонда тоже кивнула и улыбнулась мне в ответ.

Через пять минут явился комиссар. Я сообщил ему, что понял, наконец, суть дела, но сегодня лучше меня ни о чем не спрашивать, потому что вскоре я сам смогу рассказать о небывало сенсационных вещах. Самым забавным при этом было то обстоятельство, что, обманывая комиссара, я был совершенно уверен, что говорю правду. И даже теперь я в этом почти уверен – вопреки собственному рассудку.

Полицейскому, очевидно, мое душевное состояние показалось не совсем обычным, особенно тогда, когда я стал изображать вполне естественным образом свой крик в телефонную трубку, для которого, как я ни старался, не смог придумать разумной причины. Комиссар в самой любезной форме попросил меня не терзаться сомнениями, ибо он всегда к моим услугам, это его долг. Лучше он десять раз придет сюда впустую, чем вынудит меня ждать в момент, когда присутствие полиции будет необходимо.

Потом он предложил сходить с ним куда-нибудь сегодня вечером. Это послужит мне развлечением, нельзя же все время сидеть в одиночестве. Я принял его предложение, хоть это далось мне очень нелегко: мне не хотелось бы покидать эту комнату.

СУББОТА, 19 марта.

Мы были в «Цикаде» и «Рыжей Луне». Комиссар был

прав. Другая атмосфера и короткая прогулка пошли мне на пользу. Сперва меня не оставляло неприятное чувство, будто я поступаю непорядочно, как дезертир, предавший свое знамя. Со временем это прошло. Мы много пили, смеялись и разговаривали.

Когда сегодня утром я подошел к окну, мне показалось, что во взгляде Кларимонды таится укор. Вероятно, это только мое воображение. Откуда ей может быть известно, что я уходил вчера вечером? Да и продолжалось это лишь мгновение, после чего она опять мне улыбнулась.

И весь день посвящен нашей игре.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 20 марта.

И сегодня могу записать только одно – весь день мы отдавались нашей великолепной игре.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 21 марта.

Весь день в игре.

ВТОРНИК. 22 марта.

Да, сегодня опять все то же самое. Ничего, абсолютно ничего иного. Временами задаю себе вопрос: к чему это, зачем? Чего я, собственно, хочу, к чему все это идет? Ответов не ищу. Ведь ясно, что ничего, кроме этого, мне не нужно. И что бы ни случилось, это будет то, чего я жду.

Мы говорили друг с другом последние дни, без слов, понятное дело. Часто шевелили губами, еще чаще просто смотрели друг на друга. При этом мы прекрасно понимали один другого.

Я был прав. Кларимонда укоряла меня за то, что я оставил ее одну в прошлую пятницу. Пришлось просить прощения, и я признал, что с моей стороны это было глупо и некрасиво. Она меня простила, и я дал клятву, что никогда больше не отойду от этого окна, и мы поцеловались, долго прижимая губы к стеклу.

СРЕДА, 23 марта.

Теперь я знаю, что люблю ее. Так должно было случиться, и сейчас она пронизывает мое существо до последней клеточки. Вероятно, у других людей любовь выглядит иначе. Но разве из тысяч миллионов найдутся две похожие головы, пара одинаковых ушей, две, не отличающиеся одна от другой ладони? Все они разные, поэтому и ни одна любовь не повторяет другую. Моя любовь странная, я это хорошо знаю. Но разве от этого она становится менее прекрасной? Благодаря этой любви я почти счастлив.

Если бы только не этот страх! Иногда он угасает, и тогда я о нем забываю. Но это длится лишь несколько минут, потом он вновь поднимает голову и вновь начинает мучить меня. Этот страх представляется мне маленькой мышкой, которая борется с большой красивой змеей, стараясь вырваться из ее могучих колец. погоди, глупый маленький страх, скоро тебя пожрет эта большая любовь!

ЧЕТВЕРГ, 24 марта.

Открыл одну вещь: не я играю с Кларимондой – это она забавляется мной.

Случилось это так.

Вчера вечером я думал, как всегда, о нашей забаве. Тогда я и записал для себя пять новых, пять сложных серий, исполнением которых собирался удивить Кларимонду утром, и каждое движение обозначил номером. Я заучил эти серии, чтобы уметь воспроизводить их в задуманном, а потом и в обратном порядке. Это было очень утомительно, но доставляло мне большое удовольствие и приближало меня к Кларимонде, хотя тогда я ее не видел. Я упражнялся часами, пока в конце концов не научился выполнять все серии без единой ошибки.

Сегодня утром я подошел к окну. Мы обменялись кивками, игра началась. Да, о, да, невероятно! Как быстро она меня понимала и почти в то же мгновение, с идеальной точностью повторяла то, что делал я.

Кто-то постучал. Это был слуга, который принес мне туфли. Я взял их у него, а когда шел к окну, на глаза мне попался листок, где я записал свои серии... И я увидел, что не выполнил ни одного из этих движений!

Едва не упав, я схватился за ручку кресла и тяжело опустился на сиденье. Я не верил собственным глазам и раз за разом вновь перечитывал листок. Однако все было верно: я проделал у окна целый ряд разнообразных жестов, но ни один из них не был моим собственным!

И опять вернулось это ощущение – какая-то дверь раскрывается настежь. Это ее дверь. Я стою на пороге и смотрю

рю – ничего. Ничего, только мрачная пустота. И неожиданная мысль: «Если выйду сейчас – я спасен» – и полная уверенность в том, что теперь я могу выйти. Тем не менее – не вышел, все потому, что ясно понял – тайна раскрыта. Она у меня на ладони... Париж – тебе покорится Париж!

Какой-то миг Париж значил для меня больше, чем Кларимонда.

...Ах, теперь я больше не думаю об этом. Теперь я чувствую только любовь и этот тихий, сладостный страх.

Все же происшедшее придало мне сил. Я еще раз провел свою первую серию, четко запоминая каждое движение, и вернулся к окну.

Теперь я внимательно наблюдал за тем, что я делаю. Я не выполнил ни одного из придуманных мной движений!

Тогда я решил потереть нос указательным пальцем, но вместо этого поцеловал стекло. Хотел побарабанить пальцами по подоконнику, но провел ладонью по волосам.

Я с полной ясностью осознал, что Кларимонда не повторяет моих движений. Это я сам делаю то, что она мне показывает. Но это происходит так быстро, столь молниеносно, что совпадает с моментом, когда – как мне казалось ранее – воплощается акт моей собственной воли.

Получается, что я, который был тогда так горд своей способностью оказывать воздействие на ее мысли, оказался тем, кто абсолютно и без остатка попал под ее влияние. Ну что ж, оно настолько деликатно и утонченно, что трудно найти

что-то более сладостное.

И я все же предпринимал все новые и новые попытки. Сначала сунул руки в карманы и решил стоять спокойно. Я видел, как Кларимонда подняла руку, как она улыбнулась и погрозила мне пальцем. Я не двигался.

Чувствовал, что правая ладонь норовит выскользнуть из кармана, но крепко вцепился пальцами в ткань брюк. Тем не менее, через несколько минут пальцы ослабели, ладонь вынырнула из кармана, и рука поднялась вверх. Я с улыбкой погрозил Кларимонде пальцем.

При этом мне показалось, что это делал не я, а кто-то другой, за кем я наблюдаю как бы со стороны. Нет-нет, это было не так. Я, именно я это делал, а кто-то иной наблюдал за мной. Некто сильный, стремящийся выяснить какую-то тайну. Но я им не был.

Что мне до разгадывания каких-то тайн? Я здесь для того, чтобы выполнять то, чего хочет она, Кларимонда, которую я люблю в сладчайшем страхе.

ПЯТНИЦА, 25 марта.

Обрезал телефонный провод, не желаю, чтобы мне все время мешал этот глупый комиссар, причем как раз в тот момент, когда наступит этот особенный час.

Боже, зачем я это пишу? Тут же ни слова правды?! Словно кто-то водит моим пером.

Но я хочу, хочу... Хочу писать о том, что здесь происходит. Хотя бы один только раз еще... То... Что я хочу.

Отрезал провод телефона.

...Ах!.. Потому что должен был это сделать. Написал. На-конец-то! Потому что должен был, должен...

Мы стояли сегодня утром у окна и играли. Только, по сравнению со вчерашним днем, наша забава изменилась. Кларимонда делает какое-то движение, а я сопротивляюсь желанию повторить его сколько хватает сил.

В конце концов мне приходится подчиниться, безвольно выполняя то, что угодно ей, и не могу описать, какое огромное наслаждение дает чувство, что ты побежден, эта капитуляция перед ее волей.

Мы играли. Кларимонда вдруг поднялась и отошла в глубину комнаты. Там было так темно, что я не мог ее увидеть, девушка будто растворилась во мгле. Скоро она показалась снова. В руках у нее был телефонный аппарат, очень похожий на мой. Она поставила его на подоконник, обрезала шнур и отнесла аппарат назад.

Я сопротивлялся, наверное, около четверти часа. Страх завладел мною сильнее, чем когда-либо раньше, но тем большую усладу приносило ощущение постепенной капитуляции. Наконец я принес телефон, обрезал шнур и снова поставил аппарат на место.

Так это было.

Сажу за столом. Выпил чаю, слуга только что забрал прибор. Я узнал, который час, потому что мои часы ходят плохо. И сейчас пять пятнадцать, пять пятнадцать...

Знаю, что стоит мне теперь посмотреть в ее сторону, Кларимонда что-то сделает. Сделает нечто такое, что и я должен буду сделать.

Все-таки смотрю. Она стоит там и улыбается. Теперь – о, если бы я мог отвести взгляд! – подходит к занавеске. Кларимонда снимает шнур. Он красный, как и тот, что висит в моей комнате. Делает петлю. Закрепляет шнур на крюке, вбитом в раму.

Кларимонда садится и улыбается мне.

Нет, то, что я испытываю сейчас, нельзя назвать страхом. Это пронзительный ужас, ледяющий кровь в жилах, который я, однако, не отдал бы ни за какие сокровища. Это порабощение совершенно не поддается пониманию, но при этом оно так пленительно своей неизбежностью.

Я мог бы сразу подбежать к окну и сделать то, чего хочет она. Но я жду, я защищаюсь, я противлюсь этому. Я все равно чувствую, как оно становится сильнее с каждой минутой.

И вот опять сижу здесь. Я подбежал к окну и сделал то, чего она от меня хотела – снял шнур, сделал петлю и укрепил ее на крюке...

А теперь я больше не стану смотреть в ту сторону, буду глядеть только на этот лист. Знаю, что она сделает, когда я снова ее увижу, сейчас, в шесть часов вечера предпоследнего дня недели. Если я ее увижу, придется сделать, что хочет она, следовательно, придется...

Не желаю на нее смотреть...

Я громко смеюсь. Нет, это смеюсь не я, это что-то смеется во мне, и я знаю над чем – над этим «не желаю».

Не желаю, а наверняка знаю, что должен. Должен на нее посмотреть, должен, я должен это сделать... А потом...

Я тяну для того, чтобы продлить эти муки, да, это правда. Эти спирающие грудь страдания, ставшие величайшим наслаждением. Пишу быстро-быстро, чтобы сидеть тут как можно дольше, чтобы растягивать эти секунды пытки, которые бесконечно удлиняют наслаждение моей любви.

Еще, еще немного...

Опять страх, опять! Я знаю, что посмотрю на нее, встану, повешусь – но боюсь не этого. О, нет, это прекрасно, это чарующе.

Но есть что-то другое, то, что придет после. Не знаю, что это будет, но это наступит, придет наверняка, неизбежно. Счастье моих мучений так чудовищно велико, что я чувствую, что после него должно прийти что-то невообразимо страшное.

Только не думать... Питаться что-нибудь, все равно что, только быстрее, только бы не думать...

Меня зовут... Ришар Бракемонт. Ришар Бракемонт... Ришар... О, не могу больше... Ришар Бракемонт, Ришар Бракемонт... Сейчас... Сейчас... Должен на нее посмотреть... Ришар Бракемонт... Должен... Нет, еще... Ришар... Ришар Браке...

Поскольку комиссар девятого округа не дождался ответа на свои звонки, он поспешил в гостиницу «Стивенс» и прибыл туда в восемнадцать ноль пять. В комнате номер семь он обнаружил тело Ришара Бракемонта, висящее на оконной раме, точно так же, как и трупы трех его предшественников. Только на лице умершего на этот раз застыло совершенно иное выражение – лицо исказил страшный ужас, а широко раскрытые глаза вылезли из орбит. Губы раздвинулись, обнажив крепко сжатые зубы.

К ним приник, перекушенный и раздавленный, большой черный паук со странными фиолетовыми пятнышками на брюшке.

На столе лежал дневник медика. Комиссар прочел и тут же поспешил в дом, что стоял через улицу. Там он убедился, что комнату на третьем этаже уже несколько месяцев никто не снимал и она стоит пустая.